

## **Курган Иссык: ритуал, искусство и социум**

Многолюдная траурная процессия медленно движется к месту захоронения. Жрецы несут носилки с телом усопшего воина, ритуальные сосуды и сосуды с пищей. Нескончаемым потоком следуют родственники, воины, соплеменники... Погребальное сооружение готово и служители культа ждут, когда тело будет передано им.

На покойном богатое одеяние – он принадлежит к высшей знати. Эту одежду воин носил в дни торжественных приемов и парадных смотров. На голове – высокая стреловидная шапка с низом в виде треуха, застегнутая под подбородком, украшенная золотыми бляхами и пластинами; в мочке левого уха золотая серьга с зернью и подвесками из бирюзы; на шее – золотая гривна; на теле короткий кафтан, сплошь обшитый золотыми бляшками; на пальцах рук – два золотых перстня. Кафтан подпоясан тяжелым наборным поясом, сверкающим шестнадцатью массивными бляхами-накладками; справа к нему подвешен длинный железный меч в красных ножнах, обложенных золотыми пластинами; на ногах узкие штаны, заправленные в сапоги с высокими голенищами, украшенные золотыми фигурными бляшками.

Наконец похоронная процессия достигает конечной цели. Провожающие остаются наверху. В яму опускается тело воина, жрецы размещают на полу сосуды, закрывают камеру бревнами. Тысячи соплеменников насыпают огромный погребальный курган...

В наше время один из таких курганов, который находится в 50 км восточнее Алматы, получил название Иссык (Акишев, 1978). Тридцать лет назад казахские ученые-археологи обнаружили здесь «золотого» человека. Это стало сенсацией века.



В VIII-IV вв. до н.э. территорию Средней Азии и Казахстана населяли племена, известные под собирательным именем «сака». Геродот и другие античные авторы называли их азиатскими скифами, отличая от скифов европейских. Сакские племена были современниками персов Кира и Дария I, греков эпохи Александра Македонского. В археологической науке существует много версий расселения саков на землях современного Жетысу/Семиречья. Согласно одной из них, на юге Казахстана обитали саки-тиграхауда. Удивительные находки в кургане Иссык впервые продемонстрировали высокую и во многом самобытную культуру этого народа. А ведь до сих пор в историографии существует точка зрения о низком уровне социально-экономической и культурной жизни кочевников. В основе ее ряд причин.

Одна из них – слабые знания по истории наших предков. Азия долго оставалась (в определенной степени остается и сейчас) далекой и таинственной.

Во-вторых, при попытке исследования исходили из сопоставления далекого прошлого со вчерашним днем. А это непременно приводило к ошибочной точке зрения на уровень развития древних обществ.

Причина падения поздних кочевников – военная и экономическая экспансия, агрессия извне и жестокая внутренняя междоусобица, продолжавшаяся почти семьсот лет. Многовековые внешние и внутренние потрясения привели к тому, что лучшие пастбища и водные источники, традиционные пути перекочевов и торговых дорог были захвачены, нарушились контакты и связи с земледельческими центрами и городами. В результате резко уменьшилось поголовье скота, пришло в упадок земледелие, что неизбежно привело к катастрофическим последствиям. В XVIII-XIX вв. европейские ученые, путешественники, миссионеры застают кочевые общества на грани гибели, а от своеобразной, яркой и пышной культуры – лишь реликты.

Находка в иссыкском кургане еще и памятника письменности – самого древнего на территории Средней Азии и Казахстана – ставит общество саков в один ряд с современными ему обществами Евразии с высокоразвитыми социально-экономическими отношениями и государственным устройством.

В настоящее время существуют несколько вариантов дешифровки иссыкской письменности, сделанных на основе согдийско-арамейского и древнетюркского алфавитов. Арамейское письмо в I тыс. до н.э. являлось международным языком народов Древнего Востока. В многоэтничной Персидской державе (VI-IV вв. до н.э.) арамейское письмо служило официальным канцелярским языком. Уже в то время существовали местные диалекты. В странах восточной части Персидского государства распространилась согдийско-арамейская письменность. Палеографически к ней восходят некоторые знаки древнетюркской руники.

Источников, свидетельствующих о племенах и народностях, населяющих территорию современного Казахстана, чрезвычайно мало, а имеющиеся – отрывочны и нередко противоречивы.

Имя саков-тиграхауда упоминается в надписи на рельефах гробниц Дария I в ущелье Накш-и-Рустем. Причем надпись «сака-тиграхауда» на рельефе дана как поясняющая изображение фигуры воина в остроконечной шапке. Наиболее подробные и в хронологическом отношении более ранние сведения содержатся в пространной Бехистунской надписи, посвященной прославлению того же Дария I: «Я пошел к стране саков, которая за морем, эта – шапку острой носит... И их первого, наибольшего из них, Скунха по имени... привели ко мне».

Бехистунская надпись дополняется рельефом, на котором перед Дарием стоят восемь покоренных со связанными руками. Последний из них – вождь в высокой (70 см) остроконечной шапке, под ним надпись: «Это Скунха, сак».

Геродот, упоминая саков-тиграхауда, называет их «ортокарибантии», то есть носящими острую шапку.

Изображение саков есть и на рельефе V в. до н.э. во дворце Ксеркса в Персеполе. Оно интересно тем, что внешне сакские воины явные монголоиды. Но известно, что в Средней Азии и Казахстане в это время основная масса населения имела резко выраженные европеоидные черты. Исключения составляли, очевидно, отдельные племена, населявшие, скорее всего, Северную Киргизию и юг Казахстана: именно здесь в результате расового

смешения происходила ранняя монголоизация населения. По антропологическому определению, захороненный в кургане Иссык имеет характерный для семиреченских саков европеоидный облик с примесью монголоидных черт. Возраст его 16-18 лет.

Мною предложено новое толкование этнокона «тиграхауда» от мидийского «тигра» - «стрела», а отсюда саков-тиграхауда точнее именовать «саки в стреловидных шапках». Их этническая территория занимала огромные пространства, распространяясь далеко за левый берег Яксарта (Сырдария/Сырдарья), до самого Окса (Амудария/Амударья) на западе и включая Алтай на востоке (Акишев, Кушаев, 1963).

В I тыс. до н.э. на обширных степных просторах Евразии распространяется своеобразное искусство «звериного стиля». Оно характеризуется изображением фигур животных в определенных канонических позах и своеобразными приемами художественного исполнения. Сто шестьдесят пять золотых изделий из кургана Иссык выполнены в «зверином» стиле.

Великолепна бляха с изображением крылатого барса. Животное касается задней лапой зубчатых пластин – стилизованного изображения гор.

Одиночные фигуры животных каждой бляхи комбинируются в сложные композиции на костюме «золотого человека», причем художник проявляет удивительную изобретательность. Выразительна многосложная композиция на орнаментальных зонах головного убора. Кольцевое расположение по окружности шапки пластин в виде гор с растущими на них деревьями, на которых сидят птицы, создает зримую картину реального горного пейзажа, столь характерного для Жетысу.

Большинство иссыкских изделий изготовлено из металла техникой литья, штамповки, тиснения и гравировки, в виде круглой скульптуры, горельефа, барельефа и плоскостных силуэтных изображений.

Древние торевты широко использовали и другие материалы, умело комбинируя металл с деревом, кожу с тканью, разные металлы между собой. Деревянная рукоятка нагайки и стреловидные украшения головного убора иссыкского воина отделаны золотом. Железо и золото сочетаются на мече, кинжале, в изображениях священных деревьев.

Изделия поражают яркостью и жизненностью образов. Достойны преклонения талант и мастерство безымянного художника, создавшего эти неумирающие произведения изобразительного искусства.

Иссыкское искусство звериного стиля – синкретическое искусство, сплав двух компонентов: самобытного и заимствованного. Однако в нем, как и в искусстве многих древних других народов, трудно провести резкую грань между компонентами, настолько они тесно переплетены и слиты воедино. Иссыкское искусство создает впечатление давно оформившегося, целостного, и, в отличие от скифского, менее эклектичного (Акишев, 1984).

Среди произведений искусства из кургана Иссык нет предметов явно переднеазиатского происхождения или скопированных из древнеиранских образцов, но есть значительное количество предметов, изготовленных под сильным влиянием художественных особенностей и технико-стилистических приемов искусства Передней Азии.

Среди этих предметов можно отметить как явно заимствованные из арсенала мотивов иранского искусства такие зооморфные образы как лев, грифон, крылатые звери и

животные, мотив древа жизни – священного дерева. Оттуда же происходят, усвоенные саками, технико-стилистические приемы и манеры воспроизведения деталей тела зооморфных образов. Типично для искусства ахеменидского Ирана подчеркивание мелких деталей тела, контуров мускулов линией в виде «стежка», «полуподковками», «точками» и «запятыми».

Саками же из Ирана была заимствована манера дополнительного прикрепления ножен кинжала к ноге (бедру) с помощью второй бляхи – распределителя ремня. В иссыкском случае дополнительное прикрепление кинжала к ноге доказывается нахождением блях – распределителей ремня крепления в первоначальном положении. Одна из них находилась в отверстии большой бляхи, украшавшей верхнюю часть ножен, а другая – у острия клинка кинжала. Кстати отметим, что древним грекам и скифам было несвойственно двойное прикрепление кинжала к телу.

Иссыкские находки дали новый толчок многолетним спорам специалистов о происхождении искусства звериного стиля, о его прародине. По нашему мнению, в настоящее время, после находок большой коллекции скифских и сакских предметов искусства в захоронениях Толстой могилы, Гаймановой могилы, Каховских курганов и в кургане Иссык, нет достаточных фактов, доказывающих теории моноцентрического или полицентрического происхождения звериного стиля.

Прямолинейное категоричное решение этой проблемы, вероятно, вообще исключено. С одной стороны, и в древности любое гениальное открытие (а звериный стиль был гениальным изобретением) сравнительно быстро становилось достоянием многих племен и народов. А с другой стороны, при наших современных знаниях было бы примитивом считать все предметы так называемого скифо-сибирского звериного стиля, найденные на территории Евразии, происходящими из одного центра, например, из Передней Азии.

На территории Евразии в эпоху палеометалла и раньше известны предметы, выполненные в зверином стиле. Евразийским племенам (в частности андроновским племенам Сибири и Казахстана) были хорошо известны резьба звериных образов по кости (возможно, и по дереву), техника плавки и литья меди и бронзы, техника изготовления листового золота. Многочисленны находки предметов украшения (серьги, височные кольца, заколки, ремненные обоймы) из бронзы и меди, искусно обтянутые листовым золотом. Такой техникой выполнены две большие бронзовые серьги, обтянутые листовым золотом, на внутреннем ободе одной из них припаяны две литые золотые фигурки лошадей. Серьги датируются XII-X вв. до н.э. Значит, им была известна сложная для своего времени техника аппликации листового золота на медную и бронзовую основу.

Таким образом, по технической оснащенности, по уровню знания технологии металла и по развитости художественного мышления евразийские племена стояли на высокой ступени прогресса и интеллектуально и технически были готовы к созданию высокохудожественных образов в зверином стиле.

Вероятно, поэтому искусство звериного стиля в Сибири и Тыве, в Средней Азии и Казахстане, в Причерноморье и Подунавье появляется внезапно, в развитом виде. Среди многочисленных коллекций художественного металла мало импортных изделий, но разнообразны предметы с импортными образами и сюжетами. Евразия, вероятно, заимствовала из Передней Азии основную идею воплощения в искусстве звериных образов, художественный стиль. По крайней мере, в древнем Иране изделия, выполненные в зверином стиле, появились на три-четыре столетия раньше, чем в Евразии.

Позаимствовав идею, степные торовты в корне переработали звериный стиль и формально и по содержанию. По сути дела, в Евразии в VII-V вв. до н.э. это новое искусство, с новыми образами и мотивами, с новыми сюжетами и композицией, отражающими местную биосферу, отвечающими конкретным этнокультурным традициям.

По-видимому, каждая этнокультурная среда вкладывает новые религиозные понятия в звериные образы и сюжеты. В итоге искусство звериного стиля наполняется новым содержанием, соответствующим социально-экономической развитости того или иного общества.

На территории Евразии, по нашему мнению, в скифо-сакское время существовало несколько художественно-стилистических школ торовтов. Одной из них, как уже отмечалось выше, является семиреченская школа мастеров-ювелиров. Произведения искусства, созданные мастерами этой школы, отдельные образы и сюжеты иссыкских сокровищ доведены до совершенства и превосходят по реалистичности и технике исполнения эталонные образцы прародины звериного стиля. Вклад в развитие искусства звериного стиля в VII-V вв. до н.э. евразийских племен чрезвычайно велик. Евразия – родина искусства скифо-сибирского звериного стиля в VII-V вв. до н.э.

Историческая судьба звериного стиля в последующее время претерпевает существенные изменения. Реалистичная форма искусства звериного стиля уступает место все большей стилизации и в итоге переходит в беспредметный орнаментализм. В первых веках нашей эры заменяется вычурным полихромным стилем. Позднесакская стилизация звериного стиля формально упадок этой формы искусства, а исторически следующий шаг в развитии изобразительного искусства, его более высокая ступень.

Этап финала сакского искусства звериного стиля – этап умирания реализма и торжества стилизации – демонстрируют находки золотых предметов украшения в царских курганах более позднего периода. Мы имеем в виду великолепные образцы ювелирного искусства послесакской эпохи, когда, на основе художественной традиции саков, появляется пышный, целиком декоративный, но утонченно мастерский полихромный стиль – высший этап ювелирно-прикладного искусства древности.

В науке существуют различные теории и концепции о времени появления и о родине происхождения искусства полихромного стиля, составившего целый этап в истории искусства народов мира. Ряд исследователей в вопросе происхождения этого оригинального стиля защищают приоритет стран древнего Востока.

Изучение данного вопроса – тема, требующая самостоятельного исследования, и не входит в задачу нашей работы. Поэтому, не предрешая проблемы, все же отметим, что евразийские племена, в частности скифы и саки, хорошо знали технологию работы с драгоценным металлом, технику зерни и псевдозерни, приемы инкрустации золотых изделий цветной пастой и самоцветами.

Так, среди скифских находок назовем золотого оленя, инкрустированного цветным камнем, из Костромского кургана на Кубани (VI в. до н.э.), а среди сакских – инкрустированных оленей из шиликтинского кургана в Восточном Казахстане (VII-VI вв. до н.э.) и золотые пластины, украшенные зернью из пазырыкских курганов на Алтае (V в. до н.э.).

В кургане Иссык также имеются изделия, выполненные в подобной технике. Золотая серьга имеет украшение в виде грозди зерни, изображения животных на золотых пластинках, украшавших клинок кинжала, инкрустированы цветными вставками.

Таким образом, для искусства скифо-сакских племен еще в эпоху архаики появление полихромного стиля не явилось неожиданностью, хотя мы эти племена не можем назвать творцами полихромного стиля – стиля, поправшего реалистичность форм и стройность композиции «звериного» искусства в угоду многоцветности и красочности нового искусства.

Для истории мирового искусства вопрос о приоритете в зарождении той или иной формы искусства – всего лишь частная тема, имеющая узко региональное значение. Значительно важнее сам исторический факт поступательного обогащения культуры и искусства новыми произведениями человеческого гения.

Большой комплекс блестящих образцов сакского искусства звериного стиля из кургана Иссык – вклад в сокровищницу мировой культуры.

Реконструкция социальной структуры сакского общества – сложная теоритическая проблема. Ввиду малочисленности сведений письменных источников по этому вопросу, при определении социальной стратификации сакского общества мы обращаемся исключительно к археологическому материалу, в частности, к погребальному обряду. Привлекаются такие показатели как богатство и бедность погребального инвентаря, параметры технической усложненности надмогильного и могильного сооружения, количество человеческого труда, затраченного на их возведение, масштабы тризны и жертвоприношения, существование письменности и устойчивой идеологии.

Жетысу является уникальным археологическим районом по масштабности скопления царских курганов, достигающих высоты 18-20 м. Такие монументальные «сакские пирамиды» не могли возводиться над могилами каждого члена общества, они были прерогативой узкого круга лиц. Небольшое количество больших курганов по сравнению с тысячами малых насыпей, бесспорно, свидетельствует о разделении общества на две группы, на привилегированное меньшинство и непривилегированное большинство. Уместно отметить, что начало такому социальному неравенству было положено еще в эпоху поздней бронзы в конце второй половины II тыс. до н.э.

Первое обращение к социологической интерпретации археологических материалов было предпринято мной при анализе информации, полученной при раскопках могильника Бесшатыр, оставленного саками в V в. до н.э. Было раскопано 20 курганов, которые по параметрам насыпей делились на большие, средние и малые (Акишев, Кушаев, 1963).

Предполагалось, что резко выраженная градация параметров насыпей бесшатырских курганов, монументальность и сложность деревянных усыпальниц отражают имущественное и социальное неравенство членов сакского общества, связаны с поляризацией общества на богатых и бедных. Несомненно, захороненные под большими и малыми курганами Бесшатыра принадлежали к разным социальным категориям населения. Большие курганы интерпретируются мною как могилы сакских царей – верховных военачальников, средние – как могилы аристократии и знати, мелкие – как могилы дружинников и рядовых общинников.

Доминирование огромных насыпей царских курганов над многочисленными малыми соответствовало господству знати над массой простолюдинов и рабов. Грандиозность

курганных насыпей – это тоже инсигнии власти, утверждающие былое величие погребенных царей.

Насыпи всех царских и средних курганов восточного Жетысу по изначальному архитектурному замыслу возводились с плоской вершиной и с прямыми боковыми скатами, т.е. имели форму усеченного конуса. Подсчет объема насыпи в кубометрах Большого Бесшатырского кургана составляет 80,5 тыс. куб. м. Вокруг насыпи расположен каменный вал и 94 кольцевые ограды, на сооружение которых было доставлено из окрестных гор свыше 650 многотонных менгиров и валунов.

Поражает воображение предлагаемый объем человеческого труда, затраченный на транспортировку указанного количества камня и щебня, каменных плит и валунов на возведение насыпи и других, дополняющих сооружений этого царского памятника.

Как показали раскопки, под каждой насыпью царских курганов Бесшатыра находились большие погребальные камеры из трехметровых бревен тяньшанской ели. На возведение камеры в Третьем Бесшатырском кургане было использовано свыше 300 таких бревен. На заготовку и перевозку их требовалась затрата человеческой энергии.

Экспериментальные подсчеты затрат человеческого труда, израсходованного на возведение больших, средних и малых курганов в тех же могильниках, показывает, что на строительство самого большого царского кургана было затрачено более чем в десять тысяч раз большее количество дней, чем на возведение самого большого рядового кургана.

Резкая градация параметров насыпей и количества труда, необходимого на их сооружение, является доказательством развитости социальной иерархии в сакском обществе.

Комплекс находок в кургане Иссык дал дополнительные, важные материалы, проливающие свет на уровень социального строя саков Жетысу. Суммарные бесшатырские и иссыкские находки, в целом, воспроизводят пышный погребальный обряд лица, принадлежавшего к высшему рангу сакского общества. Саки своих царей облачали в золотое одеяние, помещали в монументальные погребальные камеры, а над ними сооружали наземный памятник – огромный курган. Обряд погребения других членов общества все более упрощался по мере понижения на ступенях иерархической лестницы.

В дифференциации обряда в зависимости от социального положения важную роль играл культ мертвых предков, особенно царей – сильных покровителей. Однако в ритуалах возвеличивания личности мертвого царя имелась и политическая подоплека – сугубо земные корыстные интересы его преемников. Они использовали ритуалы погребального обряда как религиозно-идеологическое воздействие на массы с целью обосновать незыблемость династии сакских царей.

Несомненно, пышность и богатство золотой одежды иссыкского сака были предназначены не только на внешний эффект, а больше имели социальное содержание, преследовали политико-пропагандистские цели. Главное назначение одежды было в возвеличивании личности царя, возведения его в ранг солнцеподобного божества.

Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов, имеющих на предметах украшения головного убора, подтверждает это положение. В образе крылатых и рогатых коней на налобной части головного убора иссыкского воина заложена сложная символика,



воплощены многие черты мировоззрения саков. Причем в них прежние представления переплетаются с новыми формами верований. Изображение оленя, козла и архара – древних родовых тотемов-родоначальников – в иссыкское время уже не что иное как пережиток. В это время чаще изображали их символ – олени и козлиные рога.

В религиозных представлениях многих индоиранских племен конь был символом солнца, солнечного божества. На иссыкском головном уборе конь изображен с большими козлиными рогами, что, вероятно, символизировало слияние образов солнечного божества и родового тотема. Близкие по символу находки известны из курганов пазырыкской культуры Алтая. Здесь на голову лошади была надета войлочная маска с оленьими рогами, что может быть объяснено, так же как в иссыкском случае, синкретизмом образов.

Иссыкский конь изображен с рогами, и с крыльями. Воспроизведение крылатых существ чуждо для сакской среды, но очень широко распространено в Передней Азии. В частности, в Ахеменидском Иране персонифицированный высший бог неба Ахура Мазда, в свою очередь, восходящий к бестелесному божеству Ассирии – Ашшуру, изображался в виде крылатой фигуры в солнечном диске. Вероятно, саки от образа Ахура Мазды заимствовали крылья и своего солярного бога изображали в образе крылатого коня с козлиными рогами. В полиморфной фигуре этого сакского божества слились черты бога солнца Митры, бога неба Ахуры Мазда и родового тотема.

Несомненно, протомы коней Иссыка имели двойную семантическую нагрузку: символ солнечного божества и царский знак. А в целом иссыкский царь в таком сверкающем головном уборе, в ослепительной одежде предстал реальным Ахура Маздой и Митрой, его персону олицетворяла земного и небесного владыку, светского царя и верховного жреца.

Идеологическое содержание звериного стиля в искусстве являлось по своей сути религиозным обоснованием сакской государственности. В самом искусстве была заложена основная идея: быть государственной религией.

Значение иссыкских находок для рассматриваемой проблемы возрастает в связи с находкой памятника письменности – серебряной чаши с надписью. Факт существования письменности в любом обществе свидетельствует о высоком уровне развития социально-экономической организации, о генезисе государства ранних форм.

Резюмируя всю приведенную информацию, извлеченную из археологического и эпиграфического источников (градация параметров насыпей, наличие больших материальных ценностей, количество человекоднев, израсходованных на сооружение кургана, искусство – как отражение государственной религии, письменность), я склонен считать, что саки Казахстана по уровню развития социальной структуры находились на стадии сложения раннеклассового общества, производственные отношения в котором регламентировались и регулировались органами государственного управления.

*К. Акишев*

## Литература

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата. Наука, 1984.

Акишев А.К. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М. : Искусство, 1978.  
Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

*Статья была опубликована в сборнике «Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии», 2011 год*